

СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА

Н.А. Балаклеец

ТЕЛО, ВЛАСТЬ И ТРАНСГРЕССИЯ: КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНОПРОЕКЦИИ Э. КАППА И ЕЁ СОВРЕМЕННЫЕ РЕЦЕПЦИИ

Аннотация. Предметом исследования настоящей статьи является концепция органопроекции, представленная в работе Эрнста Каппа «Основания философии техники», до сих пор полностью не переведённой на русский язык. Автор рассматривает основные положения концепции Каппа в контексте социокультурной и технологической динамики современного общества, уделяя особое внимание феноменам тела, власти и трансгрессии. Привлекая к исследованию рецепции идеи органопроекции, представленные в работах Ф. Ницше, П. Флоренского, Э. Кассирера, М. Маклюэна, автор эксплицирует её эвристический потенциал и значение для современной философии и культуры.

Наряду с общенаучной методологией исследования в статье используются диалектический, герменевтический, психоаналитический методы, а также метод сравнительного анализа философских учений.

Новизна исследования заключается в трактовке органопроекции как трансгрессивного процесса, приводящего к нивелированию границ между внутренним и внешним. В концепции органопроекции Э. Каппа имплицитно содержится онтология трансгрессии, которая позже раскроется в неклассической философской мысли. В результате трансгрессии границы человеческого тела расширяются, выходят за собственные пределы, распространяя свою власть на внешнее пространство, ассимилируя и поглощая его. Особый вклад автора заключается в экспликации характеристик феномена тела, представленного в концепции органопроекции, в частности, его гендерных признаков.

Ключевые слова: тело, власть, трансгрессия, органопроекция, Капп, граница, техника, современное общество, человек, социальное пространство.

Review. The subject of this paper is to study the concept of organ projection presented in Ernst Kapp's "Principles of a philosophy of technology", the book that has never been fully translated into Russian. The author of the article examines the foundations of Ernst Kapp's concepts from the point of view of socio-cultural and technological dynamics of the modern society and pays particular attention to the phenomena of the body, power and transgression. Using the receptions of the idea of the organ projection presented in the works of Friedrich Nietzsche, Pavel Florensky, Ernst Cassirer and Marshal McLuhan, the author explicates its heuristic potential and significance for contemporary philosophy and culture. Along with the general scientific research methodology the author also uses dialectical, hermeneutic, psychoanalytic methods and the method of the comparative analysis of philosophical doctrines. The novelty of the research lies in the interpretation of organ projection as a transgressive process that leads to the blurring of the boundaries between the inside and the outside. Ernst Kapp's concept of organ projection implicitly contains the ontology of transgression which will be developed further in the non-classical philosophy. As a result of transgression, the borders of human body expand beyond their own limits and extend its power to the external space, assimilating and absorbing it. The special contribution of the author consists in explication of the characteristics of the phenomenon of the body represented in the organ projection concept, in particular its gender characteristics.

Keywords: social space, human, modern society, technique, border, Kapp, organ projection, transgression, power, body.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-33-01222 «Комплексное исследование трансгрессии как сущностной характеристики современной социально-культурной реальности»).

Термин «органопроекция» впервые был предложен в работе основоположника современной философии науки и техники Эрнста Каппа «Основания философии техники», до сих пор полностью не переведенной на русский язык [1]. Идеи Каппа получили в России известность, прежде всего, благодаря их рецепции П.А. Флоренским [2]. Сегодня они нуждаются в более тщательном и критическом исследовании с учетом социокультурной и технологической динамики современного общества, а также концептуальных разработок современной неклассической философской мысли. В настоящем исследовании мы опираемся на оригинальный текст Каппа, интерпретируя представленное в нём понимание тела и власти в горизонте концепта трансгрессии [3].

Прежде всего, отметим, что в прояснении нуждаются этимологические корни и смысловой потенциал самого термина «органопроекция». Первая компонента данного термина – «орган» – восходит к древнегреческому *organon*, первоначально обозначавшему «орудие, инструмент, часть тела» [4, с. 502]. Этимологический анализ позволяет сделать вывод о семантическом сходстве между различными значениями лексемы «орган». Слово «орган» в греческом языке первоначально употреблялось для обозначения определённой части тела, затем оно приобрело значение «инструмент, приспособление, вспомогательное средство», а позднее стало обозначать и материал, из которого инструмент изготавливался. Таким образом, семантика лексемы «орган» имплицитно подразумевает тесную взаимосвязь между биологическим и механическим. Технические изобретения уже в силу этимологии могут быть осмыслены как искусственные органы, внебиологические продолжения человеческого тела, во многом бессознательно перенимающие, расширяющие и усиливающие функции организма, позволяющие преодолевать его естественные границы. То есть, технические средства осуществляют *трансгрессию* человеческого тела: границы последнего расширяются, выходят за собственные пределы, распространяясь на внешнее пространство, ассимилируя и поглощая его. Тело перестает быть лишь замкнутой в себе и обособленной системой с четко обозначенными пределами, оно распространяет себя и свою власть на внешний мир, вследствие чего снимаются (*werden aufgehoben*) границы между внутренним и внешним, единичным и всеобщим. Или, другими

словами, происходит трансгрессия внутреннего и внешнего, единичного и всеобщего.

В прояснении нуждается и вторая, не менее семантически емкая компонента термина «органопроекция». Тот смысл, который вкладывается Каппом в термин «проекция», непосредственным образом связан с этимологией последнего. Лексема «проектиль», обозначающая в артиллерийском деле любой выброшенный снаряд, архитектурный термин «проектур» (выступ), «проект» в значении плана обустройства социальной жизни, а также «проекция» в значении наброска, эскиза, этюда в изобразительном искусстве и градусной сетки в картографии – вот лишь немногие примеры полисемантической данного термина. Сам акт проецирования выступает во всех этих случаях как выбрасывание, выступание вперед, перемещение наружу, переход внутреннего во внешнее [1, с. 30]. Таким образом, речь снова идёт о трансгрессии. Проекция есть не что иное, как трансгрессия внутреннего и внешнего, стирание границ между ними.

Сущность органопроекции, согласно Каппу, заключается в бессознательном воспроизведении свойств, характеристик и функций организма или живого тела (*Leib*) в инструментах или механизмах. Органопроекция есть «бессознательный процесс, при котором органические образования, действия и отношения и механические приспособления соотносятся как образец и копия и механизм используется лишь как средство для раскрытия и понимания организма» [1, с. 151]. Подобно тому, как каменный молот есть продолжение и усиление человеческой руки, линза, лупа и микроскоп имеют органический прообраз в глазном хрусталике, электромагнитный телеграф во многом повторяет принципы функционирования нервной системы, а мостостроение основано на принципах организации костной ткани. Технические и – шире – культурные орудия рассматриваются, таким образом, как копии, слепки органов тела, позволяющие приблизиться к раскрытию сущности своих органических прообразов. Так понятие технические средства и орудия лишаются самостоятельного и себедовлеющего статуса уже в силу специфики источника своего происхождения: они имеют ценность лишь будучи соотнесёнными с человеком, который понимается в качестве «исходного пункта ориентирования в мире». Они служат не конечной целью культурогенеза, но лишь необходимым моментом на пути самопознания человека. Вместе с тем, человек, производящий орудия, *homo faber*,

являет собой настолько тесное единство с миром произведенных им артефактов, что рассматривает их как принадлежащие своему естеству. Внутреннее и внешнее, сливаясь, проникая друг в друга, здесь снова функционируют в трансгрессивном режиме.

Теория органопроекции отличается ярко выраженной антропологической и гуманистической направленностью, поскольку механическое, машинное в ней рассматривается как, пусть технически рафинированная и сложная, но всё же копия органического. Человеческое тело в его природной первозданности является не просто естественной основой органов-инструментов, подлежащей «овнешнению» (*Entäußerung*), усилению своих функций, техническому совершенствованию, но и целостным организмом, устроенным намного более сложно, филигранно и точно, чем его технические, искусственные «продолжения». Само тело характеризуется настолько обширным творческим потенциалом, что по своим возможностям намного превосходит все вышедшие из него и с его помощью инструменты. Тело как целостный феномен не сводимо к простой совокупности естественных и произведенных им искусственных органов, орудий труда, машин, механизмов и культурных артефактов. Несмотря на то, что «все средства культуры ... представляют собой не что иное, как органопроекции» [1, с. 27], тело никогда не сможет исчерпать, объективировать, «овнешнить» (*entäußern*) и «овеществить» себя полностью. И в этом смысле оно обладает онтологической избыточностью как условием потенциально бесконечной трансгрессии самого себя. Но вместе с тем тело человека отличается хрупкостью и чрезвычайной уязвимостью в биологическом отношении, вследствие чего оно нуждается в собственных продолжениях, искусственных усилителях собственных органов, функций и систем, т.е. в своем *ином* – и в этом заключена его онтологическая неполнота.

Человеческое тело не может быть познано «изнутри» себя самого, без привлечения к этому процессу познания внешних, неорганических источников, следовательно, трансгрессивный процесс органопроекции есть постепенный переход от естественного тела в себе к искусственному телу для себя. Подобно тому, как Гегель признает необходимость инобытия Идеи – отчуждения её в своем ином как условия её самопознания, Капп оспаривает возможность непосредственного познания физиологических процессов. Самопознание человека

всегда обусловлено, опосредовано искусственными органами и механическими приспособлениями. Эти последние являются своеобразными дешифраторами, призванными разгадать многочисленные загадки человеческого тела. Так, знание об устройстве рояля помогло человеку лучше разобраться в организации собственного уха, строение другого музыкального инструмента – органа – способствовало лучшему пониманию функционирования органов речи, оптические приборы бессознательно повторяют форму человеческого глаза. Таким образом, важнейшая функция инструментов-органопроекций заключается в том, что они являются средством самопознания человека: «механизм есть факел для освещения организма» [1, с. 121]. Органопроекция представляет собой двунаправленный процесс: она осуществляется не только от тела к органам, но и от органов к телу. Используя гегелевскую терминологию, можно описать указанный процесс как взаимодействие «овнешнения» (*Entäußerung*) и погружения вглубь (*Erinnerung*) организма. При этом технические слепки выступают средствами постижения органической жизни и развития самосознания. В них обнаруживает себя не только косная, грубая материя, но и духовная составляющая. Материальное и духовное в данном случае снова подвергаются трансгрессии, и только в таком трансгрессивном слиянии материи и духа и мыслимо человеческое существование. В противном случае речь будет идти либо о мертвом механизме, либо о бесплотном призраке.

Особое место среди органов человеческого тела в концепции органопроекции занимает человеческая *рука* – гибкий, подвижный и пластичный орган, по образу и подобию которого было создано бесчисленное множество инструментов. На особый статус руки в структуре человеческого организма обратил внимание ещё Аристотель, удостоивший её эпитета «орудие орудий». Указание на уникальную роль руки в сравнении с прочими органами человеческого тела находим и у Г. Гегеля. Как отмечает немецкий философ, «рука, и в особенности *кисть руки*, человека есть точно так же нечто только ему свойственное; ни одно животное не имеет такого подвижного орудия деятельности, направленного вовне. Рука человека, это орудие орудий, способна служить выражением бесконечного множества проявлений воли» [5, с. 212-213]. Для Каппа рука представляет собой орган в трёх смыслах этого слова: во-первых, она является врожденным орудием; во-вторых, представляет образец, в соот-

ветствии с которым создаются многие механические инструментов; наконец, в-третьих, сама рука в значительной степени задействована в их изготовлении [1, с. 41]. Самые первые, примитивные орудия труда, виды оружия и предметы домашнего обихода являются прямыми, непосредственными воспроизведениями человеческой руки, её трансгрессией в разнообразных формах: предплечье с рукой, сжатой в кулак или усиленной камнем, образует естественный молот, согнутый палец модифицируется в крючок для ловли рыбы, застывший указательный палец с заостренным ногтем трансформируется в сверло, форма пустой ладони воспроизводится в чаше. Меч, копье, весло, лопата, грабли, плуг, трезубец повторяют разнообразные положения руки, ладони и отдельных пальцев. Использование даже наиболее совершенного в техническом отношении механизма требует участия человеческой руки, пусть и для выполнения всего лишь двух функций – включения и выключения. С помощью инструментов-органопроекций рука способна создавать инструменты, лишь отдаленно напоминающие свои органические прообразы. Тем не менее, даже отсутствующее или слабо выраженное формальное сходство технического инструмента с органом человеческого тела вовсе не является веским аргументом, свидетельствующим против «проективной» природы искусственных орудий. Напротив, по мысли Каппа, существует прямая зависимость между эффективностью органопроекции и внешним, формальным родством её исходного момента и результата: степень органопроекции является тем более высокой, чем более отдаленным, трансгрессивным становится родство органа и инструмента.

Капп неоднократно подчеркивает, что органопроекция – процесс, осуществляющийся во многом под воздействием стихийных, бессознательных факторов: «механизм, созданный человеческой рукой из отдельных элементов, являет собой поразительное сходство с органическим образованием, хотя был сконструирован без использования каких-либо даже малейших знаний о функциях последнего» [1, с. 93]. Процесс органопроекции можно проинтерпретировать как трансгрессивное бессознательное движение субъекта вовне самого себя, движение, предполагающее преодоление и расширение собственных границ.

Идея о бессознательном подражании технических инструментов органам тела была высказана и П.А. Флоренским: «По образцу органов устраи-

ются орудия, ибо одна и та же душа, одно и то же творческое начало – в инстинкте зиждет подсознательно тело с его органами, а в разуме – технику с её орудиями, но и тут орудие-строительная деятельность протекает в важнейших своих стадиях *под-сознательно* (курсив наш – Н.Б.), и сознанию достается лишь процесс вторичный» [2, с. 402]. Многие механизмы являют собой удивительное сходство с органами и тканями человеческого тела, хотя были сконструированы без использования каких-либо даже малейших знаний о функциях последних.

Мысль о том, что неорганическое может служить дешифратором органического, присутствует и в философии Ф. Ницше, для которого, как и для Каппа, тело дает ключ к постижению реальности. Но если для Каппа, разделяющего многие положения гегелевской диалектики, это постижение представляет собой сугубо рациональный познавательный процесс, то в философии Ф. Ницше тело трактуется, скорее, как перспектива интерпретации реальности с позиции увеличения власти (точнее, могущества – Macht). Тело, согласно Ницше, – это не просто *res extensa*, вещь среди других вещей: «пробудившийся, знающий, говорит: я – тело, только тело, и ничто больше; а душа есть только слово для чего-то в теле. Тело – это большой разум, множество с одним сознанием, война и мир, стадо и пастырь. Орудием твоего тела является также твой маленький разум, брат мой; ты называешь «духом» это маленькое орудие, эту игрушку твоего большого разума» [6, с. 34]. Наше тело встроено в онтологическую структуру мира таким образом, что все окружающие предметы представляют собой систему отсылок к нему. Именно оно, наделенное разнообразными потребностями, порождая системы неорганических органов, дает ключ к интерпретации самого себя. Вся грандиозная сложность неорганических систем замкнута на имманентной загадке органической жизни. Ницше вскрывает двойную направленность воли к власти в живом организме уже на уровне протоплазмы [7, с. 52]. Протоплазма может наращивать власть посредством питания, посредством поглощения и присвоения внешнего и чуждого. Внешнее в данном случае становится внутренним, то есть осуществляется трансгрессия внешнего во внутреннее. Но кроме этого, в тех случаях, когда протоплазма не способна справиться с усвоенным материалом, она подвергается делению. Речь теперь идет уже не о питании, но о размножении: трансгрессия теперь направлена вовне.

По этим же путям реализации воли к власти идут и более сложные организмы, вплоть до человека, народов и культур. Таким образом, в обоих случаях (питание и размножение) имеет место трансгрессия внешнего или внутреннего.

Весьма важно отметить, что в природе инструментов-органопроекции имплицитно уже заложена функция оружия (хотя сам Капп об этом не упоминает). Более того, само тело, наделенное от природы острыми зубами, ногтями, сильными конечностями и челюстями, тело, обладающее способностями хватать, кусать, пережевывать, наносить физическую боль, вполне может быть рассмотрено как природное, примитивное *оружие*, которое наделяет человека способностью властвовать над окружающим миром. В этой связи ещё Аристотелем было замечено, что рука представляет собой вид оружия, данный человеку природой взамен копья, меча и других средств нападения или защиты, а Кассиодор сравнивает мощную человеческую руку со щитом [8, с. 85, 111]. Инструменты-органопроекции многократно усиливают природные способности человека к нападению или самообороне, содействуя технической трансформации не только природного мира, но и социокультурной реальности, общества в целом, создавая в социальном пространстве очаги конфронтации и насилия.

Следует обратить внимание на ещё одну немаловажный аспект, затрагивающий особенности описания человеческого тела в концепции органопроекции. Тело здесь является источником и основой генезиса и развития технического и – шире – социокультурного мира, однако это производящее тело лишено важнейшей характеристики: оно выступает как «универсальное», «всеобщее» тело, лишённое гендерных признаков, не дифференцированное по оси «мужское» – «женское». В исследовании Каппа гендер – одна из фундаментальных составляющих онтологии тела – оставляется без внимания. И подобно тому, как Симоной де Бовуар был эксплицирован гендерный характер гегелевской диалектики господина и раба, за которой скрывается напряжённое отношение мужчины, готового рискнуть своей жизнью ради признания, и женщины, удел которой – повиновение [9, с. 95-96], Эрнсту Каппу вполне можно упрекнуть в маскировке под личиной универсализма маскулинного начала в культуре. Действующее, производящее тело, распространяющее себя вовне, скрывает контуры гештальта рабочего, описанного Э. Юнгером.

Следуя психоаналитической интерпретации, органопроекцию можно истолковать как своеобразную компенсацию сексуальной неполноты маскулинного тела: «Человек восемнадцатого века получил расширение самого себя в форме прядильной машины, которую Йейтс наделяет полноценной сексуальной значимостью. Сама женщина видится, таким образом, как технологическое внешнее продолжение мужского существа» [10, с. 30]. Техника-женщина оказывается при подобном понимании лишь придатком к демиургу-мужчине. И эта мысль оригинальным образом обыгрывается в современной культуре. Ярким примером сексуального отношения к автомобилю в американской культуре может служить фильм Джона Карпентера «Кристина» по одноимённому роману Стивена Кинга, главный герой которого оказался во власти роковой «стальной красавицы», ревниво и мстительно ограждающей его от каких бы то ни было проявлений чувств к людям, которые воспринимаются ею в качестве своих соперников.

Тело, посредством органопроекции, производящее технические инструменты и выносящее себя «вовне», становится, таким образом, сплошным конгломератом органов, подлежащих размножению, достраиванию, отпочкованию, пролиферации. Эта мысль была доведена до логического завершения М. Маклюэном, который предлагает рассматривать человека как совокупность «органов размножения машинного мира», позволяющие ему самому воплощаться в новых формах [10, с. 56].

Феномен тела в концепции органопроекции подчинён принципу работы – это активное, работающее, производящее тело, которое, помимо выраженных гендерных признаков, отличается отсутствием и таких важнейших экзистенциальных характеристик, как страдание, боль, усталость, желание, наслаждение. Тело, проецирующее себя вовне, вовлечено в постоянные процессы самопроизводства, самосохранения и самоусиления. Это не статичная система органов, но динамичный, открытый феномен.

Тело, вовлечённое в процесс органопроекции, представляет собой функционально расчленённый объект, системная организация которого способствует повышению эффективности работы отдельных его органов. Органы, структурированные в систему (организм), – это инструменты, которые объективизируются и локализуются вне биологического тела и служат каналами усиления власти. Рассмотрение тела в качестве структурированного

«организма» влечет за собой следующие выводы. Во-первых, такое понимание тела не просто предполагает существование определённых органов с чётко предписанной каждому из них функциональной нагрузкой, но и санкционирует необходимость наличия некоторых из них, а другие элиминирует (как мы убедились, решая вопрос о гендерной идентификации тела в концепции Каппа). Во-вторых, при таком понимании тела неизбежно возникает вопрос о порядке фундирования отдельных элементов тела, степени их значимости (подтверждением чего являются рассуждения Каппа об особом статусе человеческой руки). Существование самостоятельных органов – «порогов тела» (В. Подорога) – выявляется не изнутри него самого, но посредством внешнего объективирующего наблюдения. Рассматривая своё тело как систему органов, разделённую на центральные и периферические зоны, мы примеряем на себя эту внешнюю зрительную перспективу, а не проживаем его непосредственную нерасчленённую предданность.

Несмотря на то, что Капп сосредоточен не на описании тела, проживаемого и переживаемого изнутри, он показывает, что внутренний мир не сводится исключительно к сознанию или психическим феноменам. А чрезвычайно плодотворная идея немецкого мыслителя о том, что не только сознание, но и все тело целиком (*das ganze Leib*) также принадлежит внутреннему миру [1, с. 24], получила развитие в феноменологии Э. Гуссерля, автора важнейшего в методологическом плане концепта «плотское сознание» (*Leibbewusstsein*), а также в современной феноменологии тела, которая отказывается от радикального противопоставления внешнего и внутреннего, телесного и духовного, проводя корреляции между движениями тела (например, в танце) и динамикой мыслительных процессов.

Концепция органопроекции, оригинальная, но методологически не безупречная, не могла не вызвать ряд критических замечаний в философской литературе, посвященной феномену техники. Пожалуй, самое распространенное из них заключается в том, что далеко не все технические объекты представляют собой аналогию органам человеческого тела. Как отмечает, к примеру, Э. Кассирер, эта аналогия оказывается несостоятельной при вхождении в сферу собственно технической деятельности. В этой сфере действует закон, обозначенный К. Марксом как закон «освобождения от органического барьера» («*Emanzipation von der*

organischen Schranke»), согласно которому инструменты высокоразвитой техники отличаются от примитивных орудий тем, что уже в значительной степени отказались от образца, предоставляемого им самой природой. То есть, трансгрессия человеческого, природного тела идёт дальше, чем мог предположить сам Капп. Функции современных машин выходят уже далеко за пределы природных функций руки, им свойственно выполнение задач с помощью специфически технических средств, зачастую полностью отличных от природных. Техника создает новый социальный порядок, который основан не на продолжении естественного, но нередко базируется на осознанном противопоставлении технических принципов природным. Изобретение нового инструмента коренным образом трансформирует прежний характер труда. Так, появление швейной машины привело к модификации способа изготовления одежды, прокатный стан произвел революцию в кузнечном деле, а авиационная проблема окончательно могла быть решена только после того, как техническое мышление отказалось брать за образец птичье крыло и освоило принцип подвижного крыла [11].

Но это замечание нетрудно опровергнуть исходя из логики размышлений самого Каппа, исходившего в своей работе из противопоставления машины и живого организма. Действительно, немецкий философ техники приводит в своей работе массу примеров органопроекций (аналогий технических объектов и частей тела), но при этом он вовсе не стремится вместить в Прокрустово ложе технических приспособлений и механизмов все неисчерпаемое богатство органических феноменов: если машина является произвольно созданным артефактом, то организм произрастает *ex ovo* согласно имманентному, скрытому в нём самом закону. Гегемония машины заключена не в ней самой: подобно всаднику, управляющему своим конём, она нуждается во внешней управляющей силе. Напротив, *ἡγεμονικόν* живого организма, его ум и воля, принадлежат ему самому, возникли вместе с ним и образуют его интегративный элемент [1, с. 131-132]. Эвристическое значение теории органопроекции намного шире, нежели простое установление аналогий между механизмом и организмом, живым и неживым, и, на наш взгляд, следует остерегаться увлечения «аналогизированием» подобного рода. В предельно широком смысле весь мир культуры можно признать результатом органопроективной, трансгрессивной по существу деятельности чело-

века, ибо это мир рукотворный, т.е. в буквальном смысле слова образованный благодаря действиям человеческой руки, вышедший из человеческой руки. А все многообразие культурных артефактов предстает как продолжение человеческого тела, нивелирующее его естественные границы. И в этом смысле органопроеция есть изначальный акт конституирования культуры и толчок для её развития, ибо всё многообразие культурных артефактов было создано на основе немногочисленных простейших инструментов, которыми располагали первые люди.

Выявим более глубокие противоречия концепции Каппа. С одной стороны, мыслитель, опираясь на знаменитое изречение Протагора «Человек есть мера всех вещей», постулирует принцип антропоцентризма в качестве ведущего методологического принципа своей работы: именно человек выступает в рассматриваемой концепции как исходный пункт и цель любого познания, а процесс органопроекции можно трактовать в качестве процесса самовоспроизводства человеческого организма. С другой стороны, этот постулируемый методологический тезис вступает в явное противоречие с другим теоретико-методологическим постулатом концепции Каппа, а именно, с утверждением сферы бессознательного в качестве основы технического творчества: изобретение инструментов-органопроекции представляет собой отнюдь не сознательный, четко отрефлектированный процесс, но происходит спонтанно и неожиданно для самого творца. Власть бессознательного является важнейшим характерным свойством органопроекции. Как отмечает современный немецкий исследователь Й. Робекк: «Теория органопроекции направлена против представления, что создатель техники в первую очередь является изобретателем, вдохновляемым исключительно своими идеями. Решающим здесь является тот факт, что изобретение (открытие) заменяется подражанием» [12, с. 146].

Концепция органопроекции во многом представляет собой описание попытки человека раздвинуть границы собственного тела, посредством трансгрессии расширить границы собственной власти над миром. В интерпретации П.А. Флоренского расширение телесных границ с помощью неорганических орудий – закономерное следствие состояния грехопадения, когда тело человека уже не совпадает с телом всего мира. Обозначение четкой границы человеческого тела можно трактовать как свидетельство ограниченности

власти человека над самим собой. Но границы человеческого тела не являются устойчивыми: они способны как сжиматься, так и распространяться беспредельно далеко. Именно этот подвижный, трансгрессивный характер тела, обладающего нестабильными границами, и дает основание Флоренскому интерпретировать органопроецию как магический акт преобразования мира [2, с. 403-404]. Но не привела ли попытка преодолеть границы тела, продиктованная интенцией увеличения собственного могущества, к ещё большему рабству человека, его закабалению миром машин (феномену, который, выражаясь словами Н.А. Бердяева, можно назвать рабством человека у самого себя, поскольку демиург технических орудий оказался заложником своих собственных объективаций и экстериоризаций)?

Рассуждения М. Маклюэна о средствах коммуникации как о расширениях (extentions) органов и систем человеческого тела, можно трактовать как заочный, имплицитный диалог с концепцией органопроекции Э. Каппа (хотя сам канадский исследователь ни разу не ссылается на своего идейного предшественника). Однако если концепции Каппа ещё присущи вера в прогресс, гносеологический и социальный оптимизм, то Маклюэн трактует органопроецию как «хирургическую операцию» на теле общества, процесс самоампутации, который ни на шаг не приблизит человечество к адекватному пониманию самого себя. Напротив, эта «отчаянная» и «самоубийственная» самоампутация способна лишь привести к блокированию самопознания [10, с. 52].

В современном обществе наблюдается тенденция к технической модификации самого тела и (пока частичной) замене ряда естественных органов искусственными, происходят как процессы, описанные теоретиками органопроекции, так и противонаправленные им. Трансгрессия приобретает противоположную направленность. Вплоть до недавнего времени, эпохи бурного развития пластической хирургии и эстетической косметологии, собственное тело во многом оставалось для человека «клеткой», «приговором», неустранимой преградой, задающей определённое отношение к миру и себе самому. Жизненным императивом человека в обществе, основанном на принципах активного потребления и дифференциации потребностей, индивидуализма, гедонизма, становится активное преобразование тела в соответствии со стандартами молодости и

привлекательности. Уродство исключается даже на уровне языка, избыточными многочисленными эвфемизмами для обозначения биологически неполноценных или отклоняющихся от распространенных стандартов красоты феноменов. Сегодня мы наблюдаем не только тенденцию во многом не оправданного с биологической точки зрения медицинского вмешательства в естественные, физиологические процессы, происходящие в организме, с целью его эстетического преобразования, но и тенденцию инкорпорирования в живое тело (Leib) технических «протезов»: «Видео, телевидение, компьютер, минител (minitel) – эти контактные линзы общения, эти прозрачные протезы – составляют единое целое с телом, вплоть до того, что становятся генетически его частью, как кардиостимулятор или знаменитая «папула» П.К. Дика – маленький рекламный имплантат, пересаженный в тело с рождения и служащий сигналом биологической тревоги» [13, с. 86]. «Человек Телематический» (Ж. Бодрийяр) уже не воспринимает технические орудия как Не-Я, но пребывает в состоянии трансгрессивного симбиоза с машиной. В этой ситуации уже проблематично постулировать одностороннее отношение господства человека над техникой или техники над человеком. И дело не только в том, что технические объекты вышли из-под контроля своих демиургов и становятся проводниками высшей власти в обществе. В ситуации синкретического единства биологического и технического человек уже не может быть объявлен «рабом» технических объектов, ибо признать его зависимость от техники означало бы одновременно допустить относительную самостоятельность органического и механического и возможность иерархических отношений между двумя этими сферами. Субъект и объект, Я и Не-Я, тело и его искусственные продолжения сливаются в единую интегральную среду, поэтому сегодня правомерно говорить не только о трансгрессии телесного, но и о трансгрессии человеческого как такового.

Технические объекты и гаджеты становятся все более миниатюрными и полифункциональными: к примеру, современный мобильный телефон совмещает в себе функции средства беспроводной связи, фотоаппарата, видеокамеры, модема, будильника, калькулятора и др. Миниатюризация технических устройств содействует не только удобству их использования, но и их успешному

имплантированию в биологический организм и конституированию все более *послушных* и биологически несамодостаточных человеческих тел, нуждающихся в целой системе технологических и медицинских «протезов». Современный человек стал, по меткому выражению З. Фрейда, «Богом на протезах» (Prothesengott), приблизившимся к воплощению культурных идеалов, что, однако, не сделало его более счастливым [14].

Инструменты-органопроекции, согласно Э. Каппу, отличаются несовершенством по сравнению со своими органическими первообразами. В чём же заключается смысл внедрения современных технических имплантатов в структуру живой ткани? Очевидно, что современная эпоха демонстрирует отказ от самоценности естественного человеческого тела, которое все более и более срачивается с искусственными усилителями собственных функций. Тело современного человека не просто нуждается во внешних продолжениях самого себя, которые используются в целях культурного преобразования реальности, но образует с ними интегральное единство. Наушники, мобильные телефоны, беспроводные устройства связи, 3D-очки и очки для работы в виртуальной реальности стали неотъемлемыми аксессуарами человека XXI столетия, социальное пространство которого одновременно расширяется за счёт трансгрессивной проекции органов во внешний мир и локализуется, сужается до пределов собственного тела, «упакованного» в искусственную, техническую оболочку. Естественное скрывается, утаивается под маской искусственных органов, его первоизданная природа рассматривается лишь в модальности онтологической неподлинности, ущербности, в качестве исходного материала, подлежащего искусственному вмешательству.

Подводя итоги настоящей статьи, можно сделать вывод, что в концепции органопроекции Э. Каппа имплицитно заложена новая социальная онтология, новый способ осмысления бытия мира и человека. Капп имплицитно мыслит мир и бытие уже не из перспективы трансценденции (классическая метафизика), но из перспективы трансгрессии. Концепция органопроекции вскрывает амбивалентный характер трансгрессии человеческого тела. Трансгрессия тела, происходящая в современном обществе, приводит к возрастанию могущества человека и в то же время ставит под сомнение его дальнейшее существование в качестве уникального существа.

Список литературы:

1. Kapp E. Grundlinien einer Philosophie der Technik. Braunschweig. Druck und Verlag von George Westermann, 1877. 360 S.
2. Флоренский П.А. Сочинения: в 4 т. Т. 3(1). М.: Мысль, 2000. 621 с.
3. Фаритов В.Т. Научное творчество как трансгрессивный феномен // Философия и культура. 2014. № 10. С. 104-107. (DOI: 10.7256/1999-2793.2014.10.10415).
4. Duden, Etymologie: Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache / bearb. von Günther Drosdowski. Nach den Regeln der neuen dt. Rechtschreibung überarb. Nachdr. der 2. Aufl. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverl., 1997 (Der Duden; Bd. 7). 840 S.
5. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. М.: Мысль, 1977. 471 с.
6. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Ницше Ф. Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 4. М.: Культурная революция, 2007. 432 с.
7. Ницше Ф. Черновики и наброски 1887-1889 гг. // Ницше Ф. Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 13. М.: Культурная революция, 2006.
8. Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Ладомир, 1994. 868 с.
9. Бовуар С. де. Второй пол. Т. 1, 2. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. 832 с.
10. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М.: Жуковский; «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. 464 с.
11. Cassirer E. Form und Technik // Gesammelte Werke. Hamburger Ausgabe. Hg. von Birgit Recki. Band 17: Aufsätze und kleine Schriften (1927-1931), Hamburg, Felix Meiner Verlag, 2004. S. 139-183.
12. Rohbeck J. Ernst Kapps Kulturtheorie der Technik // Materialismus und Spiritualismus: Philosophie und Wissenschaften nach 1848. – Hamburg, Felix Meiner Verlag GmbH, 2000. S. 143-152.
13. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000. 258 с.
14. Freud S. Das Unbehagen in der Kultur. (URL: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/das-unbehagen-in-der-kultur-922/3>).
15. Разин А.В. Тело человека как антропологический констант его общественного бытия // Философия и культура. 2011. № 10. С. 23-32.

References (transliteration):

1. Kapp E. Grundlinien einer Philosophie der Technik. Braunschweig. Druck und Verlag von George Westermann, 1877. 360 S.
2. Florenskii P.A. Sochineniya. V 4 t. T. 3(1). M.: Mysl', 2000. 621 s.
3. Faritov V.T. Nauchnoe tvorchestvo kak transgressivnyi fenomen // Filosofiya i kul'tura. 2014. № 10. S. 104-107. (DOI: 10.7256/1999-2793.2014.10.10415).
4. Duden, Etymologie: Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache / bearb. von Günther Drosdowski. Nach den Regeln der neuen dt. Rechtschreibung überarb. Nachdr. der 2. Aufl. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverl., 1997 (Der Duden; Bd. 7). 840 S.
5. Gegel' G. Entsiklopediya filosofskikh nauk. T. 3. Filosofiya dukha. M.: Mysl', 1977. 471 s.
6. Nitshe F. Tak govoril Zaratustra. Kniga dlya vsekh i ni dlya kogo // Nitshe F. Poln. sobr. soch. v 13 t. T. 4. M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2007. 432 s.
7. Nitshe F. Chernoviki i nabroski 1887-1889 gg. // Nitshe F. Poln. sobr. soch. v 13 t. T. 13. M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2006.
8. Grotsii G. O prave voiny i mira. M.: Ladomir, 1994. 868 s.
9. Bovuar S. de. Vtoroi pol. T. 1, 2. M.: Progress; SPb.: Aleteiya, 1997. 832 s.
10. Maklyuen G.M. Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniya cheloveka. M.: Zhukovskii: «KANON-press-Ts», «Kuchkovo pole», 2003. 464 s.
11. Cassirer E. Form und Technik // Gesammelte Werke. Hamburger Ausgabe. Hg. von Birgit Recki. Band 17: Aufsätze und kleine Schriften (1927-1931), Hamburg, Felix Meiner Verlag, 2004. S. 139-183.
12. Rohbeck J. Ernst Kapps Kulturtheorie der Technik // Materialismus und Spiritualismus: Philosophie und Wissenschaften nach 1848. – Hamburg, Felix Meiner Verlag GmbH, 2000. S. 143-152.
13. Bodriiyar Zh. Prozrachnost' zla. M.: Dobrosvet, 2000. 258 s.
14. Freud S. Das Unbehagen in der Kultur. (URL: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/das-unbehagen-in-der-kultur-922/3>).
15. Razin A.V. Telo cheloveka kak antropologicheskii konstant ego obshchestvennogo bytiya // Filosofiya i kul'tura. 2011. № 10. S. 23-32.